

РУСЛАНА ЕВГЕНЬЕВНА ТУБЫЛЕВИЧ

сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Филологические исследования духовной культуры Севера» Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Российская Федерация)
tubylevich.ruslana.sempai@yandex.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИОАКИМОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ В РОМАНЕ М. Д. КАРАТЕЕВА «ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА»

А н н о т а ц и я . Работа нацелена на исследование особенностей включения фрагментов новгородской Иоакимовской летописи в исторический роман М. Д. Каратеева «Ярлык великого хана» (1958). Актуальность темы обусловлена интересом современного литературоведения к художественной актуализации средневековых текстов в литературе нового времени. В исторической беллетристике значимой становится проблема адекватной трансформации образов, мотивов и эпизодов средневекового текста. Фрагменты Иоакимовской летописи, пересказанные героем романа, взяты автором из самой дискуссионной ее части, содержащей информацию, неизвестную по другим источникам. Понимая сложную научную репутацию текста, писатель от лица персонажа романа выстраивает систему аргументов в пользу достоверности летописных сведений. Подстраивая их под характер героя и эпоху, в которой тот живет, М. Каратеев создает понятного для читателя персонажа, но наделяет его нетипичным для его эпохи критическим отношением к тексту. Транслируя на героя свое восприятие Иоакимовской летописи, автор пытается опровергнуть норманнскую теорию происхождения русской государственности. Картина древнерусской истории дополняется сведениями, почерпнутыми из средневековых хроник и научной литературы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : исторический роман, Иоакимовская летопись, достоверность, древнерусская литература, русская литература XX века

Б л а г о д а р н о с т и . Автор искренне благодарит доктора филологических наук М. В. Мелихова за помощь и ценные замечания в процессе подготовки статьи.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Тубылевич Р. Е. Интерпретация Иоакимовской летописи в романе М. Д. Каратеева «Ярлык великого хана» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.670

ВВЕДЕНИЕ

Главная особенность исторической беллетристики заключается в том, что для создания достоверной картины эпохи автор вынужден обращаться к различным историческим источникам. Выявление источников и приемов интерпретации фактов из них писателем важны для понимания принципов формирования авторской концепции Средневековья.

Цель работы – исследование особенностей интерпретации фрагментов новгородской Иоакимовской летописи (далее – НИЛ¹) в историческом романе М. Д. Каратеева «Ярлык великого хана» (1958) из цикла «Русь и Орда» (1958–1967). Специфика объекта исследования обусловлена тем, что целостного текста НИЛ не сохранилось, кроме выписок из него, опубликованных В. Н. Татищевым в первом томе «Истории Российской» (1768). Составитель НИЛ, время созда-

ния, достоверность сведений до сих пор вызывают дискуссию в научной среде [2: 6–34].

Цель и особенности объекта исследования обусловили следующие задачи: кратко охарактеризовать историю формирования текста НИЛ, выявить фрагменты из нее в романе и проследить, как они включаются в текст и какую роль играют на уровне сюжета и системы образов.

Подчеркивая историзм романов М. Д. Каратеева, исследователи называют их «романизированной историей» [10: 403]. Р. Якушева отмечает множество этнографических деталей из татарского и русского быта [10: 401]. О. Н. Михайлов указывает на попытку автора создать объективную картину эпохи, построенную на широком круге русских и зарубежных источников [10: 405]. Изучение приемов включения фрагментов источника в текст романа еще не проводилось, в этом и состоит новизна нашей работы.

ТВОРЧЕСТВО М. Д. КАРАТЕЕВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Литературовед О. Н. Михайлов относит Михаила Дмитриевича Каратеева (1904–1978) к «младшему», «незамеченному»² поколению первой волны эмиграции [10: 26]. В 1920 году, будучи кадетом, он эмигрировал из России сначала в Югославию, а затем в Болгарию. Как и его ровесники, сделавшие себе литературное имя уже за границей, чтобы заработать на жизнь, он вынужден был заниматься тяжелым физическим трудом. Добившись стипендии на учебу в Лёвенском католическом университете и получив диплом инженера-химика и степень доктора химических наук, в 1933 году из-за экономического кризиса он уезжает в Латинскую Америку. Именно в этом очаге русской эмиграции были написаны исторические романы М. Д. Каратеева.

Как отмечает М. О. Рубинс, литературное творчество русских эмигрантов в странах Латинской Америки мало изучено [15: 14]. Тем не менее представителей первой волны эмиграции, оказавшихся в чужой культурной среде, объединяло стремление сохранить историческую память, язык и культурные традиции для будущего возрождения России [12: 123]. Ту же функцию должна была выполнять и историческая проза.

Развитая в исторических романах идея патриотизма и «повышенная фактологическая оснащенность» [21: 41] по-разному проявлялись в текстах писателей, которых относят к младшему поколению первой волны. Можно выделить два подхода в их работе с источниками. Первый – метод М. А. Алданова (Ландау) (1886–1957) – выведение на первый план вымышленных персонажей и «напряженный сюжет (заговоры, убийства, покушения)», который дополнен «политико-философскими размышлениями автора» [10: 337]. Второй подход применял А. П. Ладинский (1896–1961), который стремился если не к «документальной правде» [10: 86], то к достижению «исторической достоверности» [19: 398].

М. Д. Каратеев соединяет оба подхода. Для придания «увлекательности» повествованию он вводит «хитросплетение заговоров и тайных злодеяний, неожиданное узнавание в незнакомце родственника, близкого человека, разрешение безвыходного положения внезапной помощью извне, запретная любовь и др.» [10: 403]. Вместе с тем, как отмечал сам писатель, в его произведениях «история действительно преобладает над романом» [4]. Это связано с просветительскими задачами, которые он ставил перед собой: «ознакомить читателя с историей нескольких второстепенных русских княжеств»

и «правильно осветить некоторые исторические факты, искаженные нашими летописцами³ или же неверно истолкованные их комментаторами» [4].

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М. Д. КАРАТЕЕВА

Интерес к русской истории играл важную роль в литературном творчестве М. Д. Каратеева. Как отмечал сам писатель, он не разделял «нигилистических точек зрения на историю Руси» [18: 154] и поддерживал тезис о самобытности ее исторического пути. С этим напрямую связаны три вопроса, впоследствии затронутые в его романах. Во-первых, это теория о норманнском происхождении русской государственности. Одной из причин ее возникновения М. Д. Каратеев считал поверхностный подход к летописному материалу, в результате которого одни летописи не учитывались⁴, а другие неверно истолковывались⁴. В сборнике очерков «Из нашего прошлого» (1968) он говорит о пренебрежительном отношении к русским эмигрантам за границей⁵ как о главном последствии норманизма, содержащем, по его мнению, дальнейшую угрозу единству и суверенитету русского государства. Второй вопрос, намеченный в очерке «Русь и татары», связан с взаимоотношениями Древней Руси и Золотой Орды. Не смягчая тяжелого положения Руси в период обострения этих отношений, он отмечает и положительное влияние ига на Русь (тяжелые условия жизни ускорили сплочивание отдельных княжеств в единое государство⁶) и пишет о тесных кровных и культурных связях, которые проявились в «богатом [татарском] наследстве» в области политики, науки и культуры»⁷. Наконец, в вопросе возвышения Московского княжества Каратеев придерживался принципиальной точки зрения: главная заслуга принадлежит Дмитрию Донскому, «славному русскому государю и национальному герою, чьим гением Русь была выведена из феодального хаоса на прямой великодержавный путь»⁸.

Эти исторические взгляды писателя отразились в его романах, идейную направленность которых исследователи определяют как «промосковскую», «антинорманистскую» и «единодержавную» [12: 283].

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ТЕКСТА ИОАКИМОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Обнаружение НИЛ и дальнейшая судьба ее текста подробно изложены в работе С. Н. Азбелева [2: 10–28], мы остановимся лишь на некоторых аспектах.

По содержанию и характеру изложения исследователи делят текст НИЛ на две части: «этнографическое вступление» о первых князьях до Рюрика и правление следующих русских

князей до Владимира I [8: 99]. Сведения первой части, отсутствующие в других летописях, вызвали спор о ее достоверности и датировке. Мнения исследователей разделились: одни считают, что НИЛ была создана в XVII–XVIII веках, другие утверждают, что она была начата при первом новгородском епископе Иоакиме [8: 98].

С вопросом датировки связана проблема формирования текста летописи. Один из сторонников древности летописи, С. Н. Азбелев, намечает три гипотетических этапа развития текста НИЛ. Первый этап – начало летописи (XI век) на основе предполагаемого, но не дошедшего до нас повествования о первых русских князьях, а также устных преданий о предыстории Новгородской земли [2: 31–34]. Второй этап (1439 год) – добавлены указания о составителе летописи, доработана вступительная часть с помощью фольклорного материала, поднимающего престиж Новгорода. На третьем этапе, в 1699 году, был изготовлен новый список НИЛ, сделанный не очень тщательно, с утратой двух листов [2: 33–34].

Как отмечал сам В. Н. Татищев, он работал не с полным текстом НИЛ, а с тремя фрагментами из нее, пронумерованными цифрами 4, 5, 6 [17: 52]. Переписывая из нее то, чем она отличается от «Повести временных лет», историк не всегда прибегал к цитированию, иногда пересказывал, вносил частные правки и комментировал [2: 6]. В ходе работы текст неоднократно корректировался Татищевым, и В. М. Моргайло выделяет несколько редакций текста с его правками [11].

В научных кругах отношение к частям НИЛ было различным. Если некоторые сведения из второй части летописи все же были подтверждены данными археологии и зарубежными источниками [2: 24–25], то факты первой воспринимались как легендарные. По мнению историков, она «соответствует нередким в польских и русских исторических сочинениях XVI–XVII веков псевдогенеалогическим построениям» [8: 99]. Исследователи обнаруживали в ней следы «бродячих сюжетов» (С. Н. Азбелев, А. Л. Топорков), скандинавских саг (Б. Клейбер, С. В. Конча), попытки создать народную генеалогию по образцу польских и чешских хроник (П. А. Лавровский, С. К. Шамбинаго). Именно эту наименее достоверную часть и использовал в своем романе М. Каратеев.

ВКЛЮЧЕНИЕ ФРАГМЕНТОВ ИОАКИМОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ В РОМАН М. Д. КАРАТЕЕВА

Роман «Ярлык великого хана» повествует об одном эпизоде политической борьбы в рус-

ских княжествах первой половины XIV века. Главный герой – карачевский князь Василий Пантелеймонович – лишается своего удела из-за интриг его дядьев и их поддержки ханом Золотой Орды. Он понимает, что обелить свою репутацию перед негативно настроенным ханом ему не удастся, и в том случае, если он добровольно не уедет из своего княжества, его заставят силой, попутно разорив Карачев. Его положение осложняется, когда он убивает главного заговорщика (своего дядю Андрея), тем самым выразив неповиновение воле хана. Желая избежать дальнейших осложнений, он едет в единственное место, где хан Узбек не имеет власти, – в Белую Орду. По дороге он заезжает в Муром, где несколько дней гостит у князя Юрия Ярославича.

Оба персонажа романа – исторические личности, о которых сохранились достаточно скудные летописные сведения. Князь Василий упоминается в летописях один раз – в связи с убийством им звенигородского князя Андрея [3: 80]. О муромском князе говорится в местной летописи в контексте его деятельности по восстановлению Мурома после княжеских усобиц, обновления храмов и снабжения их книгами и иконами [1: 66].

Имеющиеся летописные сведения становятся сюжетобразующими узлами в романе, но приемы их разработки автором различны. В случае с муромским князем Каратеев идет по пути расширения сведений летописи, создавая образ знающего несколько языков «деятельного, умного и напористого человека, немало поездившего по чужим землям и многому научившегося»⁹. Автор добавляет от себя информацию о нескольких годах, проведенных в Византии, о семейной жизни Юрия Ярославича. Биографию Василия Пантелеймоновича писатель достраивает на основе семейных преданий, так как князь был его предком. Этот материал добавляет в сюжетную линию Василия авантюрно-романтические эпизоды (обреченная на неудачу любовь изгнанника к его «нареченной невесте» муромской княжне Ольге, соперничество с чингизидом Хисаром-мурзой за руку красавицы Фейзулы в Белой Орде).

Пребывание князя Василия в Муроме также развивается в авантюрном ключе. По пути в Орду он спасает дочь муромского князя Ольгу Юрьевну от разбойников, нанятых мордовским князем для ее похищения. Приглашенный в Муром благодарной княгиней, он называет себя карачевским боярином Василием Романовичем Снежиным. Юрий Ярославич подозревает о том, кем на самом деле является его гость, и, заметив

взаимную склонность Василия и Ольги, решает отвлечь карачевского князя.

Во время беседы с Василием князь Юрий рассказывает свою версию истории Руси, в которой на первом плане оказывается тема «одного корня» всех русских князей и их общего долга перед предками и Русью. Основные «факты» концепции князя Юрия позаимствованы автором из «этнографического вступления» НИЛ: эпизоды расселения князя Славена и его народа, правления Владимира и его сыновей, войны князя Буривая с варягами и княжения Гостомысла. Рассказ сопровождается критическим комментарием князя, который делит материал «этнографического вступления» на две части: на «старые сказы» и на сведения, которым «уже можно верить»¹⁰. К первым он относит, например, эпизод расселения племен Славена и Скифа:

«Были будто бы в незапамятные времена два могучих князя, Славен и Скиф, братья родные, которые повоювали все земли по Дунаю и по берегу Понта, как называлось тогда Русское море. После того Скиф, со своим племенем, осел в Таврии и в землях промеж Днепром и Волгой, а Славен, оставивши на Дунае князем своего сына Бастарна, сам пошел на полночь и, дойдя до берегов Варяжского моря и Ильмень-озера, поставил там великий город Славянск...»¹¹.

Фрагмент сопровождается объяснением Юрия Ярославича, связывающего имена князей и этнонимы («Вестимо, все эти старые сказы надобно понимать инако: не князья такие были, а народы...»¹²). Такая интерпретация несколько опережает свое время. Обычным ходом мысли при создании этнонимических преданий было возведение имени народа к имени военачальника, князя [16: 13], что сохраняется и в исторических сочинениях XVI–XVII веков. Даже Иван IV, занимавшийся «конструированием фальшивых генеалогий» о предке Рюрика Прусе, оправдываясь, писал: «...коли уж Пруса на сем свете не было, почему ныне называется Прусская земля, от ково она то прозвище взяла?» [14: 114]. Трактовка, предложенная князем в романе, вероятно, взята из «Истории Российской» В. Н. Татищева [17: 62] и отражает научные взгляды человека другой эпохи, с иным типом сознания.

Вторая часть сведений, по мнению муромского правителя, более достоверна. Они начинаются с рассказа о правлении потомка князя Славена, Владимира, жена которого Адвинда была «от варяг»: «И вот, сдается мне, что, беря от этой княжеской четы, всему, о чем дальше повествует Иоаким, уже можно верить»¹³.

Дальнейший краткий пересказ проигранной войны сына Владимира – князя Буривая – с варягами и освобождения русской земли от нор-

маннского ига благодаря Гостомыслу точно передает сведения НИЛ и не снабжен критическими комментариями. При этом аллегоричный сон новгородского князя о плодоносном древе, вырастающем из чрева его дочери, который предрекает рождение Рюрика и процветание его рода, никак не интерпретируется Юрием Ярославичем.

В книге исторических очерков М. Д. Каратеева «Из нашего прошлого» (1968) такое условное деление текста на две части отражает авторское видение НИЛ. Писатель указывает на «правдоподобие» этих сведений: «...начиная с княжеской четы Владимир – Адвинда <...> сведения Иоакима, хотя их и нельзя считать достоверными, все же приобретают вполне правдоподобный характер»¹⁴. Материал НИЛ до них сам Каратеев (как и его герой) осторожно называет «по большей части легендарным»¹⁵.

Одной из особенностей включения пересказа текста НИЛ в роман является его вступительная часть, аргументирующая правдоподобие летописных сведений. Ее необходимость обусловлена ненадежностью летописи как источника в научной среде, а также политическими взглядами самого автора романа. В частности, М. Д. Каратеев резко критикует норманнскую теорию, видя в ней причину пренебрежительного отношения к русским со стороны зарубежных стран. Автор выстраивает систему доказательства, которую читателю излагает его персонаж. Князь Василий, как и большая часть читателей романа, историю Руси знал только по «Повести временных лет». Аргументы князя Юрия сформулированы максимально просто, понятно и доказательно. Например, опровергая норманнскую теорию, он говорит, что Гостомысл не мог призвать врагов (варягов) на княжение, так как совсем незадолго до этого изгнал их из Руси: «...это все одно было бы, что погубить начисто дело своей жизни и по доброй воле сызнова сунуть голову в нурманское ярмо!»¹⁶. Понятными читателю были и сведения о частых войнах с варягами, известные по древнерусским источникам. Князь Юрий знает и о новгородской летописи, в которой есть упоминание о войне Буривая с варягами («...Все это нам вточию ведомо, ибо запись о том осталась в новгородской летописи...»¹⁷). Часть доводов князя основывается на его лингвистических наблюдениях. Первый касается отсутствия скандинавизмов в русском языке («...нурманы в ту пору письмо уже знали, как же могло случиться, что на Руси не осталось ни единой грамоты, ни единой строки, писанной их языком?...»¹⁸). Второй обращен к эволюции термина «варяг» и к происхождению

племени русь. Персонаж полагает, что варягами раньше «звали всех, чьи земли выходили к Варяжскому морю»¹⁹. Доводы о расширении значения термина «варяг» и об упоминании племени русь в арабских источниках изложены в книге очерков М. Д. Каратеева²⁰. Вместе с тем суждение об отсутствии скандинавизмов²¹ в древнерусском языке [6: 22], по-видимому, автор почерпнул из работы С. А. Геденова «Варяги и Русь» (1876), которая была им высоко оценена²². Система аргументов муромского князя, с одной стороны, вполне понятна читателю XX века, ее введение в текст обусловлено просветительскими задачами М. Д. Каратеева. С другой стороны, она методологически невозможна для человека XIV века, который не мог быть специалистом в области истории, этнографии и лингвистики.

Еще одной особенностью встраивания текста НИЛ в роман М. Д. Каратеева можно считать дополнение ее сведений материалом, принадлежащим к эпохе древней истории. Мы имеем в виду упоминание о князе русов Бравлине, пограбившем в VIII–IX веках греческий город Амастриду, историю о славянских племенах по рекам Одеру и Эльбе и рассказ об острове Рюгене. Источники этих сведений различны, но все их можно отнести к намеренным свидетельствам²³ (по классификации М. Блока). Сведения о славянах по рекам Одеру и Эльбе и их быте на острове Рюген до эпохи немецкой колонизации встречаются в средневековой анналистике (хроника Титмара Мерзебургского, сообщения Адама Бременского, «Славянская хроника» Гельмольда из Босау, «Деяния данов» Саксона Грамматика) [7: 10]. Говоря в очерках о балтийском происхождении варягов, автор упоминает работы антинорманистов и В. К. Третьяковского, которые, судя по всему, и были его научным подспорьем²⁴.

Источником эпизода о князе Бравлине могла быть только русская версия «Жития Стефана Сурожского» (XIV–XV века) – греческого памятника, который сохранился в трех «вариантах»: греческом сокращенном, армянском и русском. Имя Бравлин, как и указание на то, что этот князь был из Новгорода, есть только в русской версии жития. В греческой версии его нет, а в армянской князя зовут Правлис, и в ней отсутствуют указания на его русское происхождение [5: 221]. Поэтому достоверность сведений именно о русском князе сомнительна. Привлеченный автором материал позволил дополнить карти-

ну быта славянских племен в древности и представить читателю более убедительную картину донорманнского прошлого Руси.

Творческая обработка материала НИЛ проведена на трех уровнях: системы образов, сюжета и идеи. На уровне системы образов фрагменты НИЛ использованы для характеристики и муромского князя, и его собеседника прежде всего как государственных деятелей, людей, патриотизм которых основывается не только на чувствах, но и на знаниях, на уважении к своему прошлому, к своим корням. Малодостоверный с точки зрения ряда исследователей текст НИЛ встраивается в идейный замысел романа и всего цикла «Русь и Орда», посвященного проблемам становления русской государственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новгородская Иоакимовская летопись как исторический источник остается текстом достаточно спорным. Ее сомнительная репутация в научной среде обусловила необходимость прибегнуть к своеобразному доказательству достоверности ее отдельных сведений при включении ее пересказа в роман. Создание системы убедительных аргументов осложнялось скудостью сведений об изображаемой эпохе²⁵ и требовало введения персонажа, от лица которого она звучала бы логично. Им становится муромский князь Юрий Ярославич – начитанный человек и полиглот, который строит всю сопровождающую пересказ НИЛ систему доказательств с опорой на знание языков, данные летописей и исторических сочинений. Не имея точных сведений об этом герое, автор тем не менее приписывает ему знание греческого, скандинавского, татарского языков и истории Руси. Кроме того, наделяет героя несвойственным средневековому человеку критическим отношением к летописям. Благодаря этим – вымышленным полностью или позаимствованным из сомнительных источников (НИЛ) – материалам автору удается создать объемную и насыщенную панораму жизни древних славян, привлекая информацию, почерпнутую из западных хроник и русской версии «Жития Стефана Сурожского». Материал НИЛ становится важным источником не только для раскрытия образов главного героя – карачевского князя Василия – и его собеседника, но и двигателем сюжета, так как подготавливает дальнейшее развитие действия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сокращение взято из работы С. Н. Азбелева [2].

² Термин «незамеченное поколение» применительно к младшему поколению эмиграции первой волны впервые употребил литературовед В. С. Варшавский. Представители этого поколения оказались в эмиграции в детском

- или юношеском возрасте, поэтому, с одной стороны, они не могли жить «воспоминаниями о России» (их было слишком мало), а с другой – остро ощущали себя изгнанниками (Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Русский путь, 2010. С. 18).
- ³ Исследователи насчитали 324 исторических источника, среди которых были ханские ярлыки, иностранные хроники, памятники агиографической литературы. В романах автор цитирует фрагменты из Никоновской, Вологодской, Пермской, Симеоновской летописей и др. Проблему недоступности многих отечественных работ по истории (и прежде всего русских исторических источников), а также «удаленности от главных культурных центров русского Зарубежья – Парижа и Нью-Йорка» [10: 400] М. Д. Каратеев смог решить: «Книги ему присылали отовсюду <...> вел активную переписку с букинистами и историками многих стран мира...» [4]. Знакомые из России присылали ему не только научные труды (Д. С. Лихачева, Б. А. Рыбакова, А. Ю. Якубовского и др.), но и художественную литературу (исторические романы).
- ⁴ Каратеев М. Д. Из нашего прошлого. Исторические очерки. Буэнос Айрес, 1968 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/UMFGS> (дата обращения 19.04.2021).
- ⁵ Там же.
- ⁶ Каратеев М. Д. Русь и татары // Арабески истории. Вып. 1. Русский взгляд. М.: ДИ-ДИК: Танаис, 1994. С. 25–26.
- ⁷ Там же. С. 29–30.
- ⁸ Каратеев М. Д. От автора // Каратеев М. Д. Карач-Мурза. Богатыри проснулись: Исторические романы. М.: Профиздат, 1992. С. 7.
- ⁹ Каратеев М. Д. Русь и Орда: Историческая трилогия: В 2 т. Т. 1. Ярлык великого хана: Роман. М.: Современник: Lexica, 1991. С. 271–272.
- ¹⁰ Там же. С. 289.
- ¹¹ Там же. С. 288.
- ¹² Там же. С. 289.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Каратеев М. Д. Из нашего прошлого [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/UMFGS> (дата обращения 19.04.2021).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Каратеев М. Д. Русь и Орда. С. 284.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 285.
- ¹⁹ Там же. С. 287.
- ²⁰ Каратеев М. Д. Из нашего прошлого.
- ²¹ А. В. Циммерлинг отмечает, что древнескандинавский был языком бытового общения. Его следы можно обнаружить в именах (подробнее см. [13]) и, как предполагает исследователь, также в построении некоторых моделей безличных синтаксических конструкций [20: 295–296]. Исследователи отмечают и наличие скандинавских лексем в русском языке. К ним относятся около десятка слов, связанных с военной и государственно-фискальной сферами (см.: Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. С. 280).
- ²² Каратеев М. Д. Из нашего прошлого.
- ²³ В качестве примера «намеренного» свидетельства (то есть задающего определенный, возможно, не всегда строго достоверный образ или интерпретацию события у читателя) М. Блок приводит «Историю» Геродота (Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 36).
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Обращение авторов к теме древней русской истории, по мнению А. М. Лобина, осложнялось недостатком достоверных источников [9: 70].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов К. А. К вопросу о «белых пятнах» в средневековой истории Муроме // Уваровские чтения – V: Материалы науч. конф., посвящ. 1140-летию г. Муроме (14–16 мая 2002 г., Муром). Муром: Стерх, 2003. С. 66–70.
2. Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 296 с.
3. Беспалов Р. А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVIII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения: Сб. науч. ст. и материалов. Вып. 13. Брянск: Изд-во БГУ, 2011. С. 63–97.
4. Бойко де Семка В. Михаил Каратеев // Русские в Уругвае: История и современность. Монтевидео, 2009. С. 169–185 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/VjZhP> (дата обращения 25.05.2021).
5. Виноградов А. Ю., Коробов М. И. Бравлин – бранлив или кроток? // Slověne. 2017. № 1. С. 219–235.
6. Гедеонов С. А. Варяги и Русь: Разоблачение «норманнского мифа». М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. 352 с.
7. Иванова-Бучатская Ю. В. Plattes Land: Символы Северной Германии (славяногерманский этнокультурный синтез в междуречье Эльбы и Одера). СПб.: Наука, 2006. 226 с.
8. Конча С. В. Скандинавские элементы Иоакимовской летописи и вопрос о ее происхождении // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. № 3. С. 98–111.

9. Лобин А. М. Романы о Древней Руси Б. Л. Васильева как новый виток эволюции исторической прозы на рубеже XX–XXI веков // Филологический класс. 2016. № 4 (46). С. 69–73.
10. Михайлов О. Н. Литература русского зарубежья. М.: Просвещение, 1995. 432 с.
11. Моргайло В. М. Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи // Археографический ежегодник за 1962 год. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 260–268.
12. Мосейкина М. Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг.: Монография. М.: РУДН, 2011. 384 с.
13. Николаев С. Л. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет» // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 7–54.
14. Петрухин В. Я. Миф, история и вымысел в русских средневековых преданиях о происхождении власти // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени: Материалы конф. М.: Индрик, 2010. С. 113–115.
15. Рубинс М. О. Литература «первой волны» в культурно-историческом аспекте // Литература русского зарубежья (1920–1940). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 9–43.
16. Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 289 с.
17. Татищев В. Н. История Российская: В 3 т. Т. 1. М.: АСТ: Ермак, 2005. 568 с.
18. Филатова А. И. Каратеев Михаил Дмитриевич // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиографический словарь: В 3 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 2. З–О. С. 153–154.
19. Филатова А. И. Ладинский Антонин Петрович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиографический словарь: В 3 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 2. З–О. С. 397–398.
20. Циммерлинг А. В. Не пересекая границ: древнескандинавский язык в Древней Руси // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: Сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. (14–16 февраля 2018 г., Москва). М.: Гос ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 294–297.
21. Юдин В. А. Исторический роман русского Зарубежья. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1995. 124 с.

Поступила в редакцию 24.04.2021; принята к публикации 30.07.2021

Original article

Ruslana E. Tubylevich, Research Associate, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)
tubylevich.ruslana.sempai@yandex.ru

INTERPRETATION OF THE JOACHIM CHRONICLE IN MIKHAIL KARATEEV'S NOVEL *THE CHARTER OF GREAT KHAN*

Abstract. The article investigates the specific features of inserting the excerpts from the Novgorod Joachim Chronicle into Mikhail Karateev's historical novel *The Charter of Great Khan* (1958). The research relevancy is determined by the scholarly interest in the artistic actualization of medieval documents in modern literature. The issue of the adequate transformation of medieval literature images, motifs and episodes is very significant for historical fiction. The quotations paraphrased by the character of the novel are borrowed from the most debatable part of the Novgorod Joachim Chronicle, which contains information not found in other medieval texts. Being aware of the Chronicle's questionable reputation among scholars, Karateev poses arguments in favor of its authenticity and explicates these arguments through the character of his novel tailoring them to the character's personality and his historical period. Consequently, the author portrays the character who critically investigates the Chronicle, which is appealing to readers but not typical for a person living in the described epoch. Mikhail Karateev attributes his own perception of the Novgorod Joachim Chronicle to the character of his novel in order to refute the Norman theory of the origin of the Russian state. The picture of old Russian history is supplemented with the information derived from the medieval annals and scholarly literature.

Keywords: historical novel, Novgorod Joachim Chronicle, authenticity, Old Russian literature, twentieth-century Russian literature

Acknowledgements. The author expresses her sincere gratitude to her academic supervisor, Doctor of Philology Mikhail V. Melikhov, for his help and valuable comments during the manuscript preparation.

For citation: Tubylevich, R. E. Interpretation of the Joachim Chronicle in Mikhail Karateev's novel *The Charter of Great Khan*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.670

REFERENCES

1. Aver'yanov, K. A. "Blind spots" in the medieval history of Murom. *Uvarov Readings – V: Proceedings of the research conference commemorating the 1140th anniversary of Murom*. Murom, 2003. P. 66–70. (In Russ.)
2. Azbelev, S. N. Oral history in the monuments of Novgorod and Novgorod lands. St. Petersburg, 2007. 296 p. (In Russ.)
3. Bernalov, R. A. The "new offsprings" of Prince Mikhail of Chernigov according to the sources of the XVI and the XVII centuries (formulation of the problem). *Problems of Slavic studies: Collection of articles and research materials*. Issue 13. Bryansk, 2011. P. 63–97. (In Russ.)

4. Boyko de Semka, V. Mikhail Karateev. *Russians in Uruguay: History and modernity*. Montevideo, 2009. Available at: <https://clck.ru/VjZhP> (accessed 25.05.2021). (In Russ.)
5. Vinogradov, A. Yu., Korobov, M. I. Bravlin – brave or humble? *Slověne*. 2017;1:219–235. (In Russ.)
6. Gedeonov, S. A. The Varangians and Rus': Unveiling the "Norman myth". Moscow, 2011. 352 p. (In Russ.)
7. Ivanova-Buchatskaya, Yu. V. Plattes Land: Symbols of Northern Germany (Slavic-Germanic ethno-cultural synthesis between the Elbe and Oder rivers). St. Petersburg, 2006. 226 p. (In Russ.)
8. Koncha, S. V. Scandinavian elements of the Joachim Chronicle and the question of its origin. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2012;3:98–111. (In Russ.)
9. Lobin, A. M. B. L. Vassiljev's "Ancient Russia Novels" as a new cycle in the evolution of historical prose at the turn of the millennium. *Philological Class*. 2016;4(46):69–73. (In Russ.)
10. Mikhaylov, O. N. Literature of the Russian abroad. Moscow, 1995. 432 p. (In Russ.)
11. Morgaylo, V. M. Tatishchev's work on the Joachim Chronicle. *Archeographic Annual Book of 1962*. Moscow, 1963. P. 260–268. (In Russ.)
12. Moseykina, M. N. Divided yet united: Russian emigration to Latin America between the 1920s and the 1960s. Moscow, 2011. 384 p. (In Russ.)
13. Nikolaev, S. L. Etymology and comparative phonology of North Germanic personal names in the *Primary Chronicle*. *Problems of Onomastics*. 2017;14(2):7–54. (In Russ.)
14. Petrukhin, V. Ya. Myth, history, and fiction in Russian medieval legends about the origins of authority. *Legends and myths about the origins of authority in the Middle Ages and early modern period: Proceedings of the research conference*. Moscow, 2010. P. 113–115. (In Russ.)
15. Rubins, M. O. The literature of the "first wave" of Russian emigration in the historical and cultural aspects. *Literature of the Russian abroad (1920–1940)*. St. Petersburg, 2013. P. 9–43. (In Russ.)
16. Sokolova, V. K. Russian historical legends. Moscow, 1970. 289 p. (In Russ.)
17. Tatishchev, V. N. Russian history. In 3 vols. Vol. 1. Moscow, 2005. 568 p. (In Russ.)
18. Filatova, A. I. Karateev Mikhail Dmitrievich. *Russian literature of the XX century. Prose writers, poets, playwrights: Biobibliographical dictionary: In 3 vols*. Moscow, 2005. Vol. 2. P. 153–154. (In Russ.)
19. Filatova, A. I. Ladinski Antonin Petrovich. *Russian literature of the XX century. Prose writers, poets, playwrights: Biobibliographical dictionary: In 3 vols*. Moscow, 2005. Vol. 2. P. 397–398. (In Russ.)
20. Zimmerling, A. V. Inside the borders: Old Scandinavian in Old Russia. *Crossing the borders: Intercultural communication in a global context: Proceedings of the I international research and practice conference (February 14–16, Moscow)*. Moscow, 2018. P. 294–297. (In Russ.)
21. Yudin, V. A. Historical novel of the Russian abroad. Tver, 1995. 124 p. (In Russ.)

Received: 24 April, 2021; accepted: 30 July, 2021